

Картина мира Русской Православной Церкви Заграницей (по материалам устной и письменной словесности)

World image of the Russian Orthodox Church outside of Russia (on the materials of oral and written literature)

Резюме: Материалом для настоящего исследования послужила устная и письменная словесность Русской Православной Церкви Заграницей — проповеди, письма, устные и письменные рассказы, а также материал, опубликованный в периодических изданиях РПЦЗ. Русская Православная Церковь Заграницей рассматривается в статье как целостная субкультура со своей системой ценностей и антиценностей, картиной мира, традициями и фольклором. Задача исследования — выявление центральных семиотических текстов данной субкультуры, раскрытие особенностей ее картины мира, символики пространства и времени.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, Русская Православная Церковь, катакомбная церковь, субкультура, картина мира, пространство, время, словесность, мотив, символ.

Summary: The present study material is based on the oral and written literature of the Russian Orthodox Church outside of Russia – sermons, letters, oral and written stories, as well as the material published in the periodicals of the Russian Orthodox Church outside of Russia. In the article the Russian Orthodox Church outside of Russia is considered as a coherent subculture with its own system of values and anti-values, worldview, traditions and folklore. The objective of the study is to bring out the Central semiotic texts of this subculture, reveal its worldview, symbols of space and time.

Key words: Russian Orthodox Church outside of Russia, the Russian Orthodox Church, the catacomb Church, subculture, image world, space, time, literature, motive, symbol.

Материалом для настоящего исследования послужила устная и письменная словесность Русской Православной Церкви Заграницей — проповеди, письма, устные и письменные рассказы, а также материал, опубликованный в периодических изданиях РПЦЗ, и интервью с представителями РПЦЗ в России. Русская Православная Церковь Заграницей рассматривается нами как целостная субкультура со своей системой ценностей и антиценностей, картиной мира (которая практически не менялась на протяжении всего XX века), своими традициями и фольклором. Задача исследования — выявление центральных семиотических текстов данной субкультуры, раскрытие особенностей ее картины мира, символики пространства и времени. Данная статья является продолжением исследования *Устная словесность Русской Православной Церкви Заграницей* (Ефимова 2015б). Мы рассматриваем не собственно религиозный, церковный и политический аспекты картины мира РПЦЗ, а главным образом ее фольклорно-мифологический аспект, понимая под этим единство смыслоносящих структур и полагая, что собственно жизненные события

по отношению к традиции вторичны — драматургия жизни определяется драматургией, заложенной в традиции, в том числе и драматургией повествований (см.: Неклюдов 1998), образ мира, данный в словесности, формирует саму «икону жизни».

Особенности пространства

Россия

Особое место в картине мира Русской Зарубежной Церкви занимает Россия. На мифе о царской России как ушедшем «золотом веке», времени, когда идеал совпадал с реальностью, и о Зарубежной Церкви как хранительнице ее традиций держалась субкультура РПЦЗ. Художественное пространство проповедей (причем не только специально посвященных России и русским святым, но часто и текстов на общецерковные темы: например, слов, берущих свое содержание из идеи церковного года, или омилий — изъяснительных бесед, ставящих своей задачей изъяснение Священного Писания) построено на тройной антитезе: Россия в эмиграции — Советская Россия, ушедшая Святая Русь — Советская Россия, идеальная Святая Русь — земная реальность. Советская Россия во власти богоборцев, земная реальность все дальше отходит от заветов христианства, идеал можно найти лишь в «распятой Святой Руси». В этой искомой Святой Руси есть свои духовные центры — это Киев с Киево-Печерской Лаврой и Москва с Троице-Сергиевой Лаврой, освященной, говоря языком проповедника, «осиянной» светом преподобного Сергия Радонежского (подробнее см.: Ефимова 2015а).

С другой стороны — именно на территории СССР существовала катакомбная церковь, которая оценивалась зарубежниками как подлинная продолжательница традиций „тихоновской” церкви (святейший Патриарх Тихон (1865-1925), чрезвычайно почитавшийся православными еще при жизни, был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1981, Русской Православной Церковью в 1989 году). Катакомбной церковью называли представителей духовенства и общин, которые отвергли подчинение юрисдикции Московского Патриархата и перешли на нелегальное положение. Возникло это движение в 1920-е годы и просуществовало на всем протяжении XX века, потеряв к 1970-м годам массовый характер. В докладе на первых Мневских чтениях историк А.Л. Беглов выделил следующий комплекс значений, который характеризует это понятие: церковно-политическая оппозиционность Московской Патриархии, нелегальность с точки зрения советского законодательства, последовательная «антисоветская» настроенность ее членов. Исследователь отмечает, что в таком виде выражение «катакомбы» стало орудием идеологической полемики РПЦЗ, так как «мощное подполье в СССР, оппозиционное Московской Патриархии, по мысли деятелей Зарубежной церкви, доказывало нелегитимность легальной иерархии и, тем самым, оправдывало претензии РПЦЗ на имя единственной преемницы „тихоновской” церкви» (Беглов 2007: 53). Мотив святости советских катакомб находим в проповедях, письмах, устных и письменных рассказах РПЦЗ.

Бесчисленный сонм новых мучеников засвидетельствовал свою верность Христу. (...) Несмотря на жесточайшие преследования, Церковь остается непобежденной. Хоть и разрушено множество храмов, так что в целом ряде городов, прежде красовавшихся величественными храмами, ныне не осталось ни одного из них, но тайно собираются верующие и молятся Господу Богу. Воскресли для России времена катакомб, которых она раньше не знала, ибо прежде никогда не испытывала гонения веры (Иоанн Шанхайский 1998: 212),

— свидетельствовал святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский в 1938 году.

Рухнуло в бездну Православное Русское Царство, бывшее оплотом истинно-христианской веры для всего мира, миллионы лучших русских людей были подвергнуты жесточайшему, беспощадному истреблению, Святая Русь вся была залита кровью и слезами и остатки ее, уцелевшие от страшного варварского погрома и избиения, ушли в подполье. (...) Но мы верим, что не до конца оставил Господь русский народ, безумно поддавшийся вражьему искушению и впадший чрез это в такое страшное кровавое испытание. Есть еще малый „остаток” сохранивших верность Господу и Спасителю нашему русских людей, скрывающихся в катакомбах (Аверкий 1976: 384–385),

— проповедовал архиепископ Аверкий Таушев в 1970-х.

В проповедях, как правило, речь шла об обобщенной катакомбной церкви, в рассказах конкретизировалось пространство, появлялись конкретные персонажи. Так, третий первоиерарх РПЦЗ митрополит Филарет Вознесенский в 1980 году в одном из писем описывает „случай” из жизни русской церкви XX века, а именно рассказ легендарного характера о монахинях, оказавшихся в соловецком концлагере, отведенных чекистами на «холм смерти», но выживших благодаря своей «верности до конца» (Филарет 2007: 198-199). Тюремное пространство в РПЦЗ всегда было маркировано как пространство, наделенное признаками святости. Фабульная схема данного рассказа вполне типична для житий, возникших в РПЦ в период канонизации новомучеников, но в нарративе РПЦЗ она обретает иное значение: нейтральные монахини характеризуются как катакомбные — в период подготовки к канонизации новомучеников российских Зарубежная Церковь тщательно проверяла их принадлежность именно к катакомбной, а не к патриархальной церкви: сама «гонимость» церкви являлась свидетельством ее подлинности. В словесности РПЦЗ катакомбники, с одной стороны, и чекисты как «слуги антихриста», с другой — воплощение высших метафизических сил, между которыми шла война на территории СССР. Драматургия проповедей, устных и письменных рассказов, в которых катакомбная церковь описывалась как единственная сила, противостоящая безбожному режиму, определялась драматургией раннехристианских житий и церковных преданий в новом апокалипсическом контексте.

Советская Россия описывалась как «антихристово царство». В РПЦЗ, как и в

катакомбной церкви в России, происходила мифологизация советской власти: интерпретация и описание ее как власти антихриста имели не риторический смысл, а являлись предметом религиозной веры. Катакомбная церковь и РПЦЗ не поминали за проскомидией Патриарха Московского и всея Руси и новую власть. В РПЦ существует предание о приходе ленинградских священников к Сергию Старогородскому, бывшему Патриархом Московским и всея Руси в 1943-1944 гг., с вопросом, может ли он поручиться, что нынешняя власть «не антихристова». Хотя предание характеризует картину мира РПЦ, тем не менее оно свидетельствует о значимости темы «антихристова царства» для русской церкви. Надо отметить, что тема антихриста актуализируется в культуре в определенные переломные периоды истории и закрепляется в фольклоре той или иной субкультуры иногда на несколько столетий: известен случай, что в паломнической русской монастыря в 80-е годы XX века¹ распространялось «святое письмо», где в качестве антихриста фигурировал Наполеон.

Эмиграция

Если советская Россия в РПЦЗ описывалась как апокалипсический мир, «антихристово царство», ушедшая Святая Русь характеризовалась не только как святое пространство, «Дом Пресвятой Богородицы», но и как дом в бытовом значении этого слова – средоточие «интимной духовности», то в эмигрантской жизни была отмечена оппозиционная антиценность — бездомность.

«Наша нужда — наша бездомность. Каждый из нас — это сухой листок: оторвался от ветки родимой и вдаль укатился, жестокою бурей гонимый. Но листок сух и безжизнен, а мы — живые души — и так устали за эти бесконечные годы скитаний» (Ильенко 1974), — читаем в проповеди Виктора Ильенко.

Мотивы бездомности, нищеты и бедствий русского эмигранта встречаются в проповедях, но они более типичны для рассказов, воспоминаний, некрологов, персонаж которых в эмиграции занимает самую низкую ступень в социальной иерархии, что, как правило, контрастирует с его положением на родине (особенно это касается повествований, персонаж которых — эмигрант первой и второй волны). Так в некрологе, посвященном памяти самого митрофорного протоиерея отца Виктора Ильенко, начало его эмигрантской судьбы описывается как служение в православной церкви в Риме, где он числился «на должности церковного сторожа» (И.А. 1989: 10); в некрологе митрофорному протоиерею Борису Крицкому отмечаются сопровождавшие его на протяжении всей жизни «стесненные обстоятельства», служение «на маленьком, очень плохо оплачиваемом и трудном приходе», «ничтожное содержание», оттенявшее его «самоотверженность» и «безропотность» (Е.Г. 1989: 11).

Эмиграция в словесности РПЦЗ часто описывалась как бегство («наша

¹ Перед нами – одно из курьезных доказательств того факта, что субкультура является держа – тельницей архаичных фольклорных форм и практик, классических сюжетов и образов, давно утраченных основной культурой. Подробнее об этом см., например: Ефимова Е.С. Современная тюрьма. Быт, традиции, фольклор. М., ОГИ, 2004.

беженская жизнь»), смысл которого — сохранение веры. Сюжетная судьба персонажа в повествовании могла состоять из двух мотивов: бегство и смерть, но смерть вне безбожного пространства оценивалась как смерть праведника. Особость такой кончины в текстах Зарубежной Церкви отмечена тем, что персонаж сам совершает действия, которые согласно традиции должны были над ним совершать уже после смерти участники погребального обряда, отмечены центральные символы погребального обряда: гроб, в который персонаж ложится сам, священнические одежды, в которые он сам себя облачает, персонаж может даже совершить над собой обряд отпевания. Все эти мотивы содержатся в древнерусских житиях, специфика данных действий в Зарубежной Церкви в том, что их совершает не прославленный святой, не «базовая личность субкультуры», а безымянный один человек, что должно свидетельствовать о том, что такая смерть для эмигранта не исключительна, а типична, при этом сами рассказы тяготеют к притче. Так, в ежегоднике «Православный путь» за 1972 год протоиерей Николай Депутатов, размышляя «о временном и вечном», приводит ряд таких «случаев», персонажами которых являются безымянные «смирренный протоиерей», «кротчайший священник», «батюшка». Вот один из цепочки таких коротких рассказов:

Подобный случай был и в Трехречье. После бегства от большевиков в Китай, недолго там пожив, — батюшка заболел и, чувствуя приближение смерти, возлег на одр, сам себя отпел и скончался. Трехречье только что заселялось — духовенства другого не было... (Депутатов 1972: 24).

В традиционной русской культуре бегство имеет семантику предательства или проклятия, в эмиграции бегство — форма сопротивления богоборческой власти, в ней персонаж проявляет свойства, являющиеся высшей культурной ценностью. Если в церковной литературе Святой Руси (в *Повести временных лет*, монастырских патериках) как святая описывается смерть в русском монастыре, то в условиях XX века, когда пространство некогда Святой Руси оказалось во власти «богоборцев и безбожников», смерть вне этого пространства оценивалась как факт, заслуживающий сочувствия, и одновременно как итог и венец «смирненной» и «кротчайшей» жизни.

Странничество эмигранта осмысливается как изгнание, но с другой стороны, как общий скорбный путь христианина, потому ему покровительствует Богородица Одигитрия. В проповеди, посвященной этой иконе, третий первоиерарх РПЦЗ Филарет Вознесенский говорит:

«Ведь всякому же ясно, что не случайно, а промыслительно, как уже много десятков лет русские православные люди пребывают вне своего отечества, за границей и в каком-то смысле в изгнании, с ними все это время пребывает и этот чудотворный образ Божией Матери Одигитрии (что значит Путеводительница). Она идет впереди нас на нашем скорбном пути». И в другой проповеди, посвященной этой иконе: «Зарубежная церковь странствует, странствует она по всему белому свету, и в этом ее странствовании ее Путеводительница — Пресвятая Дева Мария в ее чудотворном

образе. Она ведет нас, грешных и слабых» (Филарет 1981: 214). Надо отметить, что христианская символика и сама иконография образа Одигитрии иная — Богоматерь, указующая на Христа, ведет зрителя к Христу, указывает путь спасения. Помощницей в пугешествиях Одигитрия была в фольклорном восприятии, но РПЦ охотно принимает это народное толкование, оно приближает образ к реальной земной жизни русского эмигранта.

Особенности времени

Цикличность времени

Очевидна цикличность церковного времени и церковной словесности, находящейся в зависимости от церковного календаря. В первую очередь это касается церковной проповеди. В Русской Зарубежной Церкви Россия вспоминалась в дни, посвященные прославленным русским иконам, русским святым, но были дни в церковном году, когда особенно актуализировалась тема эмигрантской жизни. Так, в преддверии Великого поста, когда в течение трех воскресных дней в церквях, в соответствии с православным канонам, поется 136-й псалом «На реках Вавилонских», формирующий соответствующие сюжетные ходы проповеди, особую актуальность обретал мотив «вавилонского плена» как символа русской эмиграции. «Сидение» иудеев на реках вавилонских оказывалось синонимично русскому странствованию — драматургия библейских текстов определяла драматургию русской эмигрантской жизни и церковной проповеди. При этом сам псалом отражает традиционный фольклорный сюжет: в трагический час гибели «святого града» пребывание изгнанников или пленников на «земле чуждой» осмысливается как укрепляющее «свои» ценности.

От церковного календаря зависимы не только проповеди — определенные дни церковного года связывались с повторявшимися рассказами и воспоминаниями. Линейное историческое время также оказывалось вписано в церковный годовой круг. У первого поколения эмигрантов ожидание освобождения России от «ига безбожия» и связанные с этим ожиданием повествовательные тексты ежегодно повторялись в преддверии праздника Успения (15 (28) августа), при этом грядущее событие макроистории становилось гипотетической реализацией мотива «своей» словесности. Архиепископ Аверкий Таушев вспоминал:

В первые годы нашей беженской жизни за границей широко распространился слух, ведший свое начало будто бы от одного из прозорливых старцев, что спасение России от ига лютого безбожия произойдет именно в день праздника Успения Пресвятой Богородицы. И сколь многие тогда ежегодно ожидали с нетерпением этого дня... (Аверкий 1976: 423).

Историческое линейное время

Начало истории

В словесности РПЦЗ как начало новой истории особо маркировано не 7 ноября 1917 года — дата, вошедшая в советские учебники и всенародно отмечавшаяся как

день «Великой Октябрьской Социалистической революции», а 2 марта 1917 года, ознаменовавшееся событием отречения от престола последнего российского императора. Этот день церковная традиция связывает с обретением иконы Божьей Матери Державной, ставшей центральным образом новой русской иконографии, знаменующим преемственность новой России и Святой Руси и одновременно обозначающим начало нового этапа в истории России и Русской церкви (в советское время икона хранилась в запасниках Исторического музея, сюжет о связи ее появления с отречением императора патриархальной церковью был «забыт»). Сравним две зарубежные проповеди, трактующие этот образ и сюжет, — слово философа и богослова отца Сергия Булгакова в день Покрова Пресвятой Богородицы — *Светлый Покров над миром* и проповедь наиболее авторитетного проповедника РПЦЗ второй половины XX века владыки Аверкия Таушева, созданную сорок лет спустя. Проповедь владыки Аверкия передает церковное предание об обретении иконы: ...Что Пречистая Матерь Божия не отняла совсем Своего покрыва над Русской Землей, об этом свидетельствует чудесное явление в самый день отречения Государя Императора Николая Александровича 2 марта 1917 года последней нашей чудотворной иконы – Божией Матери Державной. На этой иконе Божия Матерь изображена в царской короне, со скипетром и державою в руках, в красной, как бы пропитанной кровью, одежде, со взглядом очей, выражающим скорбь (Аверкий 1975: 513).

Булгаков, изложив историю праздника Покрова Пресвятой Богородицы, посвященного событию, произошедшему в храме Влахернском в Царьграде, далее, следуя древнерусскому канону, переходит к теме «далекой страны полуношной», «земле Русской», всегда особенно почитавшей этот праздник, а затем — уже согласно новому канону, сложившемуся в Зарубежной церкви, — к теме современности, «нынешней скорби» русского народа, и вспоминает новую святую — Божью Матерь Державную.

Не оставила Она русскую землю, хотя и попущены ей сатанинские испытания. Се тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она русской земли Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей (Булгаков 1938: 11–12).

Таушев делает акцент на «кровавом» облачении Богоматери, являющемся символом мученичества как нового пути России. У Булгакова отмечается «тишина» явления этого образа. **Конец** одной эпохи («последняя наша чудотворная икона») и **начало** новой («начальная година искушений») сливаются в одном образе.

Канонизированное в словесности РПЦЗ отречение императора Николая Второго от престола — фабульная завязка истории гонимого царя и одновременно истории эмигрантского мира. Традиционные мотивы, связанные с образом идеального царя: близость Церкви, уход от власти, изгнание, страдальческая кончина

и посмертная слава — в эмиграции связывались с разными представителями царской фамилии — Павлом Первым (в РПЦЗ думали о его канонизации как невинноубиенного), Александром Первым (в эмиграции были широко распространены рассказы легендарного характера о Федоре Козьмиче — старце, под именем которого якобы скрывался отрекшийся от власти император). Повествования, центральным персонажем которых являлся последний русский император, полностью реализуют эту схему и в РПЦЗ обретают смысл основополагающей культурной ценности. Эта схема реализовалась и в устных рассказах, слухах, воспоминаниях, и в ежегодных проповедях — словах, сопровождавших панихиды по убиенному императору, а после канонизации царственных страстотерпцев в 1981 году финальные молитвы о упокоении сменились молитвами, обращенными к прославленным святым при сохранении той же структуры проповеди. При этом сами глобальные события макроистории оказывались лишь реализацией мотива церковной словесности: 1917 год был предугадан задолго в пророчествах русских святых. Так, в *Слове перед панихидой по почившем Царе-Мученике Императоре Николае Александровиче и всей его царственной семье*, произнесенном вторым Первоиерархом РПЦЗ Анастасием Грибановским в Вознесенском соборе на Бронксе 2 (15) июля 1951 года, говорится: «Пришел черный год, предсказанный нашими святыми и мудрыми провидцами, и для Государя начался подлинно крестный путь, главные моменты которого памятливы еще всем нам» (Анастасий 1956: 123). Повествования повторялись ежегодно, определяясь временем церковного года («слова» произносились в день убиения императора Николая Второго и его семьи) и особенностями церковного пространства (когда в зарубежье появлялись храмы и памятники, посвященные царской семье). В очерке к 75-летию мученической кончины царской семьи в издававшемся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в ежегоднике «Православный путь» протоиерей Лев Лебедев пишет:

Так кто же от кого отрекся 2 марта 1917 года, — Царь от власти над Россией, или Россия от Царя? В меньшей мере отрекся он, в большей мере от него отреклась Россия. (...) А та Россия, которая не отреклась, но которая ничего не могла решить и исправить, пошла на Голгофу страданий вместе с Царем и вслед за ним» (Лебедев 1993: 14).

Под Россией, пошедшей на Голгофу вместе с царем, понимаются и катакомбники, и эмигранты, в социальной иерархии которых высшее место занимал «гонимый и убиенный» царь. В фольклоре диаспоры царь, от которого «отреклась Россия», стал не только нормативной, базовой личностью, идеальным представителем субкультуры, воплощающим в себе ее нормы, но и сакральной фигурой — жертвой, положенной в основание нового социума. Мотив «гонимости» царя и социума как образ вечного странничества христианина содержал идею святости пути эмигранта, «гонимость» являлась одновременно и антиценностью, и высшей ценностью субкультуры. Канонизация царской семьи в РПЦ должна была иметь покаянный смысл, в РПЦЗ она сообщала высшую легитимность самому «гонимому» социуму, но религиозные,

церковные и политические вопросы, связанные с жизнью и мученичеством царя-страстотерпца, выходят за рамки исследования, посвященного драматургии повествований.

Конец истории

Реальное историческое время и географическое пространство имеют значение второстепенное по отношению к времени и пространству субкультуры. Во многих традициях существует образ священного дерева как мировой оси, связующей историческое время от сакрального начала в космогонических текстах до сакрального конца в эсхатологических. Самый показательный пример — нарративы, посвященные Мамврийскому дубу в иудейской и христианской традициях: согласно преданию, он растет с сотворения мира и будет стоять до конца света. Мотив гибели Мамврийского дуба имеет особый семиотический статус в церковной традиции. В фольклоре РПЦ он включен в контекст эсхатологического мифа:

«Время кончилось. Мамврийский дуб засох. Теперь мир держится только на молитвах старцев» (Т.Ш. 2015).

В РПЦЗ, где в целом всегда важную роль играла эсхатология, мотив гибели священного дерева, как это ни парадоксально, может совершенно утрачивать эсхатологический смысл и даже появляться в бытовых рассказах, трактующих взаимоотношения РПЦ и РПЦЗ в комическом ключе. В рассказах РПЦЗ священное дерево оказывается значимо как часть пространства, принадлежащего русским «зарубежникам», часть культуры РПЦЗ и источник некоторых основополагающих традиций, и когда целостность субкультуры была разрушена, территория была захвачена «чужими», дерево, находившееся на этой территории, погибло. Здесь мотив гибели Мамврийского дуба означает не конец времени как такового, а конец истории субкультуры. Приведем устный рассказ представительницы РПЦЗ из нашего архива:

...только в 90-х, когда часть зарубежников объединилась с патриархией, часть имущества они оттяпали, и сразу засох Мамврийский дуб. Правда. В тот же год. Мамврийский дуб — он так и рос. Он засыхал, но вырастал росточек и вырастал новый Мамврийский дуб. Этот участок тоже принадлежал зарубежникам. И они желуди собирали и раздавали паломникам. Эти желуди сажали в Австралии, в Америке. И он засох, и совсем засох, и больше там не растет. Жалко... (Н.С. 2015).

Каково соотношение макро- и микроистории в исторических повествованиях? На первый план выступает внутренняя история социума, «своя» история. Вехи «чужой» истории упоминаются только для того, чтобы как-то соотнести «свою» историю с общепринятым летоисчислением. Так, Акт о каноническом общении РПЦЗ и РПЦ был подписан в 2007 году, но это — событие макроистории, официальное событие, фактически — событие «чужой» истории. В фольклоре РПЦЗ указывается другое время: с одной стороны, это первое нарушение целостности субкультуры в 90-е годы, характеризующееся как «захват» священной территории чужими, с другой стороны, поскольку приходы РПЦЗ существуют и по сей день, сам факт объединения

церквей представителям субкультуры часто кажется спорным.

Взгляд со стороны

Одна из важных составляющих субкультуры Русской Зарубежной Церкви — РПЦЗ на территории России. В полном смысле советских и российских «зарубежников» частью РПЦЗ назвать нельзя, поскольку их словесность дает взгляд на эмиграцию со стороны: «зарубежники» здесь характеризуются как «наши» и одновременно как «чужие», в нарративах появляется мотив пути (русского за границу, к «зарубежникам», или «зарубежника» в Россию), и сами «зарубежники» интерпретируются как культурная ошибка — представители РПЦЗ считают себя хранителями русской культуры, в действительности являясь искусственным образованием. В русской церковной среде возник целый пласт смехового фольклора, предмет осмеяния в котором — русский эмигрант как одиозный хранитель дореволюционной культуры, не способный к коммуникации с реальной русской церковной культурой. Вот два текста из нашего архива (интервью с представительницей РПЦЗ в России):

Приезжал из Европы один довольно молодой священник — из второго поколения эмигрантов, его отец уехал из России, а он сам родился и вырос уже там. И ему кто-то из наших говорит, что матушка дьяконица облачение сшила. И у него такой испуг на лице: а, у вас женщины дьякона. Мы объяснили, что дьяконица — жена дьякона. Он на полном серьезе испугался, подумал, что у нас такое безобразие.

Более старшее поколение — они говорили по-русски лучше. А у этого чувствовалось, что он не совсем родной. У него такая особенность была — он периодически вставлял в свою речь пословицу русскую, и не всегда к месту. Важно поднимал указательный палец и смотрел, какое это производит впечатление. Носитель языка нормальный так не говорит. А он так старался. Это было весело (Н.С. 2015).

В культурологи признано, что в условиях эмиграции русская культура была не только спасена и сохранена, но поднялась на еще большую высоту (Аронов 1999). В действительности культура русской эмиграции формировалась не «вопреки», а благодаря противодействующим обстоятельствам, в новых условиях не «сохранялась» прежняя культура, а формировалась новая, с новой системой ценностей и антиценностей. Причина в самом изоляционизме, искусственности диаспоры, отделенности ее от основной культуры с ее естественной исторической (хотя и драматичной, а подчас трагической) жизнью. Предельная изоляция от основной культуры, экстремальные условия формируют сгущенный образ «чужого», оригинальную картину мира. Выполнение историко-культурной миссии деятелями РПЦЗ целенаправленно, сознательно и продуманно. Пропаганда традиций, приоритетов, истории России являлась способом сохранения своей идентичности («"Православная Русская Культура" и "Святая Русь" — это не пустые, ничего не значащие слова, а это именно то, что укрепляет нас, живущих в чуждой нам среде», —

писал Аверкий Таушев в проповеди *Уголок Святой Руси*, посвященной Свято-Троицкому монастырю в Джорданвилле – крупнейшему и старейшему монастырю РПЦЗ на территории США). На сознательном уровне осуществлялась попытка воспроизводства эмиграцией доминирующих черт русской культуры, стихийно шло построение новой культуры с иной картиной мира, традициями и фольклором, это спонтанный процесс, обусловленный закономерностями развития социума, оторванного от своих корней.

Литература:

- Аверкий, 1975, *Современность в свете слова Божия: Слова и речи. В 4-х т. Т. 1.* Jordanville.
- Аверкий, 1976, *Современность в свете слова Божия: Слова и речи. В 4-х т. Т. 3.* Jordanville.
- Анастасий, 1956, *Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.* Джорданвилль.
- Аронов А.А., 1999, *Воспроизводство русской культуры в условиях эмиграции, 1917–1939 гг.: Культурологический аспект. Автореферат дисс. докт. культурологич. наук.* Москва.
- Беглов А.Л., 2007, *Понятие «катакомбная церковь»: мифы и реальность, – Мeneвские чтения, 2006. Сборник материалов Первой научной конференции «Мeneвские чтения», проходившей 9 – 11 сентября 2006 г.* Сергиев Посад, 2007, с. 51–60.
- Булгаков С., 1938, *Радость церковная. Слова и поучения.* Париж.
- Депутатов Н., 1972, *О временном и вечном,* Православный Путь. Церковно-богословско-философский ежегодник, приложение к журналу «Православная Русь», Jordanville, N.Y., с. 19-24.
- Е.Г., 1989, *Отец Борис Крицкий,* «Православная Русь» № 17, с. 11.
- Ефимова Е.С., 2004, *Современная тюрьма. Быт, традиции, фольклор.* Москва.
- Ефимова Е.С., 2015а, *Преподобный Сергей Радонежский и Троице-Сергиева Лавра в проповедях Русской Православной Церкви Зарубежом (вторая пол. XX в.), – Макариевские чтения: Преподобный Сергей Радонежский и Московская Русь. Материалы Российской научной конференции «Макариевские чтения» 25–27 июня 2014 года. Вып. XXII.* Ред.-сост. Л.С. Кертанова, А.К. Крылов. Можайск, 2015, с. 93–111.
- Ефимова Е.С., 2015б, *Устная словесность Русской Православной Церкви Заграницей,* в: «Rossica Olomucensia» LV. Literatura ruské emigrace, Olomouc: Univerzita Palackého, 2015 (в печати).
- И.А., 1989, *Памяти митрофорного протоиерея Виктора Ильенко,* «Православная Русь» № 17, с. 10.
- Ильенко В., 1964, *Сто слов и поучений,* Лос-Анджелес. lib.eparhia-saratov.ru [10.10.2015].

- Иоанн, 1998, *Слова иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского*. М.
- Лебедев Л., 1993, *От царства земного – к Царству Небесному!* Православный Путь. Церковно-богословско-философский ежегодник, приложение к журналу «Православная Русь», Jordanville, N.Y., с. 5–15.
- Н.С., 2015, *Архив интеллектуального центра «Залекер»*, Москва.
- Неклюдов С.Ю., 1998, *Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой, – Мифология и повседневность. Вып. 1*. СПб.
- Т.Ш., 2015, *Архив интеллектуального центра «Залекер»*, Дмитров.
- Филарет, 2007, *«Послушайте мене, о, чада, честная бо реку, и отверзу от устен правая»*. Письма святителя Филарета, – Столп огненный. Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский Филарет (Вознесенский) и Русская Зарубежная Церковь (1964–1985), сост. и комм. Монахини Кассии (Т.А. Сениной). Санкт-Петербург, с. 155–203.
- Филарет, 1981, *Проповеди и поучения Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета первоиерарха Русской Зарубежной Церкви*. Т. 1, New York.